

Мордовцев Даниил Лукич

**Между Сциллой и
Харибдой**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-311.8
ББК 84-4
Д18

Д18 **Даниил Лукич М.**
Между Сциллой и Харибдой / Мордовцев Даниил Лукич – М.: Книга по Тре-
бованию, 2026. – 113 с.

ISBN 978-5-519-97414-1

ISBN 978-5-519-97414-1

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2026

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2026

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

I.

Вечеръ субботній.

Тихая, теплая весенняя ночь спускается надъ Уманью. Что-то чарующее носится въ вечернемъ воздухѣ—въ звукахъ, въ тѣняхъ, въ неясныхъ очертаніяхъ, въ таинственной дали горизонта. Откуда-то, изъ этой таинственной дали, несется мелодія весенней жизни природы—волны звуковъ, цѣлое море мелодій. Въ темнѣющемъ небѣ одна за другой зажигаются звѣзды—все больше и больше ихъ, все ярче и ярче становится ихъ таинственный блескъ.

И среди этой чарующей мелодіи звуковъ весенней природы, какъ бы волшебное дополненіе ея, начинается звучать хоръ свѣжихъ, какъ весна, молодыхъ женскихъ голосовъ:

Идетъ весна, идетъ красна,
Съ-подъ крышъ вода каплетъ,
Молодому казаченькѣ
Запорожье пахнетъ...

Какъ бы въ отвѣтъ этому хору, съ другой стороны доносятся одинокій женскій голосъ:

Ой и было лѣто, да минулося,
А я молоденька лѣта не зазнала!
Меня моя матушка гулять не пускала—
Да въ подклѣти запирала,
Тремя замочками замыкала...

По мѣрѣ того, какъ на небѣ зажигались звѣзды, въ городѣ во многихъ домахъ все чаще и чаще загорались огоньки. Въ инныхъ окнахъ ярко свѣтились цѣлыя группы огней.

И не удивительно. Сегодня вечеръ пятницы. Еврейское населеніе Умани справляетъ наступленіе субботняго дня.

Войдемъ въ этотъ большой домъ, котораго главная, просторная комната ярко горитъ огнями. Длинный столъ, накрытый бѣлоснѣжною скатертью, весь уставленъ тарелками и блюдами съ праздничными яствами. Въ радужныхъ граняхъ хрустали отражается серебро кубковъ и стопъ. Въ двухъ старинныхъ, ярко вычищенныхъ серебряныхъ седьмисвѣщникахъ только что зажжены свѣчи рукою хозяйки дома. Глава дома, почтенный Исаакъ Когенъ, находился въ это время въ синагогѣ, и едва онъ вошелъ въ приготовленную для трапезы комнату, какъ тотчасъ же началось торжественное пѣніе субботнихъ гимновъ и славословіе «Мужественной жены», которые радостно и хоромъ подхватили голоса всей собравшейся семьи Исаака Когена.

Но радостнѣе и лучезарнѣе всѣхъ было хорошенькое личико юной Рахили, любимѣйшей дочери Исаака. Во всемъ ея существѣ, казалось, отражалась сама весна, расцвѣтъ природы съ ея чарующимъ обаяніемъ. Это былъ типъ самой чистой еврейской красоты, пронесенный чрезъ всѣ тысячелѣтія исторической жизни удивительнаго народа,—типъ, сохранившійся во всей своей чистотѣ отъ библейскихъ временъ и носившій на себѣ слѣды творчества жаркаго солнца Палестины, Египта и Испаніи — солнца поэтической Кордовы, Севильи и Гранады. Это солнце жгучаго Востока отражалось и въ лучистыхъ глазахъ Рахили, и въ румянцѣ ея смуглыхъ щечекъ, и въ черномъ, какъ южная ночь, шелкѣ ея роскошныхъ волосъ. По всему видно было, что она только что вышла изъ отроческаго возраста, но тѣмъ очаровательнѣе была ея сверкающая огнемъ красота, что дѣвушка совсѣмъ не сознавала этого.

Между тѣмъ Исаакъ, какъ глава дома, благословилъ трапезу, и всѣ усѣлись за столъ. Исааку было далеко за шестьдесятъ лѣтъ, но онъ казался очень бодрымъ и подвижнымъ, а огромная бѣлая борода необыкновенно красила характерныя, но кроткія черты его лица съ высокимъ обнаженнымъ лбомъ и такими же, какъ у дочери, лучистыми, совсѣмъ молодыми глазами. Онъ сѣлъ во главѣ трапезнаго стола, а рядомъ съ нимъ помѣстилась старая Лія, мать прелестной Рахили, хорошенькаго подростка, юркою какъ вьюнъ Сарки и трехъ рослыхъ молодцовъ; изъ которыхъ старшій, по имени Самсонъ,

своей богатырской фигурой вполне напоминалъ страшнаго побѣдителя филистимлянъ.

Но едва началось трапезованье и всѣ члены семьи Когена углубились въ свое дѣло, какъ съ улицы снова раздалась и какъ бы таяла въ вечернемъ воздухѣ грустная мелодія, и чей-то женскій голосъ отчетливо выговаривалъ, какъ «пахалъ милый ярицу, а теперь пашетъ у толоци, а она выплакала карія очи—за четыре ночи»...

— Отчего у насъ, у евреевъ, нѣтъ такихъ хорошихъ пѣсень?—прислушиваясь къ этому пѣнію, заговорила Рахиль.

— Это хлопы поютъ свои «веснянки»,—замѣтила Сара.

— Я знаю, что «веснянки», а отчего у насъ нѣтъ ни «веснянокъ», ни «русальныхъ», ни «купальскихъ»? — настаивала Рахиль.

— Но это языческія пѣсни, а мы не язычники, — строго замѣтилъ Самссъ, молчавшій до того времени. — А у насъ есть свои—священные гимны.

— Ну, и у хлоповъ есть священные гимны, которые поются въ церкви; но отчего у насъ, у евреевъ, нѣтъ своихъ «веснянокъ»? Отчего мы не поемъ на улицѣ?—твердила свое Рахиль.

— Оттого, что мы живемъ въ странѣ изгнанія. Развѣ ты забыла, что написано въ нашихъ книгахъ о плѣненіи вавилонскомъ?

— А что? Тамъ ничего о «веснянкахъ» не сказано.

— Глупая ты дѣвчонка! Тамъ сказано: на рѣкахъ вавилонскихъ сидѣли мы и плакали, а вѣтеръ стоналъ въ гусляхъ, что принесли мы изъ отчизны съ собою и въ печали своей повѣсили на деревьяхъ. И пришли къ намъ властители наши изъ Вавилона и сказали: «Возьмите ваши гусли въ руки ваши — играйте и пойте». И мы отвѣчали имъ: «Какъ же мы будемъ играть и пѣть въ странѣ изгнанія, когда языкъ нашъ усохъ отъ великой горести и сердца наши въ состояніи только звать: о Сіонъ, Сіонъ!» Но властители сказали: «Снимите съ деревьевъ ваши гусли—играйте и пойте». Тогда пророки Израиля обратились къ своимъ и спросили: «Кто изъ насъ увѣренъ, что претерпитъ муки, но не станетъ играть и пѣть въ странѣ изгнанія?» И когда наутро пришли къ нимъ власти-

тели и сказали: «Снимите гусли съ деревьевъ — играйте и пойте»,—пророки Израиля протянули къ нимъ окровавленные руки свои и воскликнули: «О, какъ же мы можемъ снять ихъ, когда надвое разсѣчены руки наши и пальцевъ нѣтъ на нихъ!» И рѣки вавилонскія громко шумѣли отъ великаго изумленія, и вѣтеръ рыдалъ въ гусляхъ, что висѣли на деревьяхъ, ибо пророки Израиля надвое разсѣкли руки свои, чтобъ никто не принудилъ ихъ къ игрѣ и пѣнію въ странѣ изгнанія.

Съ глубокимъ, благоговѣйнымъ вниманіемъ слушали всѣ слова Самсона. На длинныхъ рѣсницахъ Рахили сверкали слезы. У стараго Исаака кроткіе глаза горѣли огнемъ гордаго сознанія величія своего народа. Даже безпокойная Сара сидѣла неподвижно съ широко-раскрытыми глазами.

— А вѣтеръ рыдалъ въ гусляхъ, что висѣли на деревьяхъ, — молитвенно шептала старая Лія.—Господи, Боже Израилевъ!

— Страна изгнанія, — задумчиво, какъ бы сама съ собой, тихо говорила Рахиль:—а я такъ люблю эту страну изгнанія, эту милую Украину, ея пѣсни, эти высокія вербы у воды... Я вѣдь и родилась въ странѣ изгнанія.

Не то представлялось умственному взору Исаака: онъ, казалось, видѣлъ эти далекія рѣки Вавилона и на берегахъ ихъ народъ свой въ плѣненіи... «На рѣкахъ вавилонскихъ — тамъ мы сидѣли и плакали»... А развѣ мало пришлось плакать народу Божьему? И на берегахъ Нила онъ плакалъ еще больше, еще ранѣе этого... А на берегахъ мутнаго Тибра сколько выплакано еврейскихъ слезъ! А на берегахъ Мансанареса и Гвадалквивира; на берегахъ Днѣпра, Тясмины и Роси!

А между тѣмъ за окномъ, на улицѣ, глухо гудѣлъ бубень, и хоръ мужскихъ голосовъ съ подголосками выкрикивалъ пѣсню о томъ, какъ мелетъ «млинъ» не колесомъ — лѣстомъ, а мѣлодецъ выкликаетъ милую не голосомъ — свистомъ, и зоветъ ее затирать слѣды, гдѣ они стояли:—тамъ ихъ слѣды остались...

Вдругъ пѣніе разомъ оборвалось, и съ улицы послышался одинъ чей-то громкій голосъ:

— Слушайте, панове парубоцтво! Послѣзавтра будутъ казнить гайдамаковъ—такъ приходите на площадь смотрѣть.

— Придемъ, непременно придемъ!—откликнулись голоса.—
А много ихъ?

— Пять человѣкъ. И вы, дѣвчачки, приходите.

— Придемъ,—отозвались женскіе голоса.

— А можетъ, котораго молодца и выберете себѣ въ женихи—спасете отъ висѣлицы.

— О! дѣвчата наши до такого торгу и пѣши прилетятъ,—раздался чей-то насмѣшливый голосъ.

— Что жъ! и прилетимъ — и выберемъ себѣ по жениху, чтобъ вамъ, сякимъ-такимъ немазанымъ, не доставаться,—задорно отвѣчалъ женскій голосъ.

— У, краля! помеломъ съ сажей мазаная!

— А все-таки до висѣлицы не допущу казака.

— Что это, тату, она говоритъ?—съ изумленіемъ спросила Рахиль, все время прислушивавшаяся къ голосамъ на улицѣ.— Развѣ она можетъ спасти осужденнаго разбойника отъ казни?

— Можетъ,—отвѣчалъ Исаакъ:—такой здѣсь обычай: если дѣвушка захочетъ не допустить гайдамака до казни, то она въ правѣ это сдѣлать.

— Какъ, татуня! И я могу то же сдѣлать?

— И ты можешь, только должна потомъ выйти за него замужъ—за того, котораго ты изберешь.

— Э! такъ я этого не хочу.

— То-то же: спасти отъ казни злодѣя не всякая дѣвушка рѣшится.

— Такъ ихъ послѣзавтра казнить будутъ?

— Да; я слышалъ это сегодня отъ губернатора.

— Это такъ страшно!

— А еще страшнѣе злодѣйства, которыя они, эти гайдамаки, совершаютъ,—замѣтилъ младшій сынъ Исаака, худой и горбоносый Моше.

II.

Страшныя вѣсти.

Повѣствованіе, завязка котораго слабо очерчена въ первой главѣ, относится къ первымъ годамъ второй половины прошлаго столѣтія.

Минуло сто лѣтъ съ того грустнаго момента, когда совершилось роковое столкновѣніе Украины и Польши изъ-за признанія человѣческихъ и политическихъ правъ первой. Много было пролито крови и съ той, и съ другой стороны: таковъ удѣлъ всякой борьбы. Но той и другой сторонѣ было изъ-за чего бороться и проливать кровь — то боролись два враждебные элемента, двѣ враждующія стихіи. А оказывается, что въ этой братоубійственной борьбѣ болѣе всего пострадалъ третій элементъ—посторонній, непричастный этой борьбѣ. Жестокій историческій фатумъ—этотъ безжалостный и бессмысленный, классическій «слѣпой рокъ», какъ ужасный смерчъ или циклонъ, Богъ-вѣсть откуда налетѣвшій, бросилъ этотъ третій, мирный элементъ между молотомъ и наковальней, и этотъ несчастный элементъ былъ безчеловѣчно раздавленъ, сокрушенъ въ дребезги, какъ хрупкое стекло подъ тяжкимъ молотомъ.

Этотъ третій, мирный элементъ—евреи польской Украины. Войны Хмельницкаго были для нихъ этимъ ужаснымъ молотомъ. Много лѣтъ дикій религіозный и національный фанатизмъ купался въ крови избраннаго народа. А за что? За чьи вины?

Эти мысли неотступно преслѣдовали стараго Исаака, когда онъ, по окончаніи вечерней трапезы, удалился въ свою комнату и тщетно старался заснуть. Передъ нимъ, какъ въ зеркалѣ, картина за картиной проносилося все прошлое іудейскаго народа. Вѣсть о казни разбойниковъ тревожно отозвалась въ его сердцѣ, напомнивъ прежнія бѣдствія іудеевъ.—За что? за чьи вины?

— Доколѣ ты разить будешь, мечъ божій! — невольно вырвался изъ его груди стонъ пророка Іереміи.—Доколѣ не успокоишься? Войди въ ножны свои, мечъ карающій!

«А за что? и долго-ли?»—вновь вставали въ душѣ его жгучіе вопросы.

А между тѣмъ за окномъ, на улицѣ и на площади, ключомъ била молодая жизнь. Чей-то голосъ отчетливо выводилъ подъ удары бубна о томъ, какъ «милая» общается «милому» выйти «подъ зеленую грушу» и вынести милому «тютюну-папушу»...

— Да, моя дѣвочка права: у насъ нѣтъ ни «веснянокъ»,

ни «русальныхъ», ни «купальскихъ» пѣсенъ. Намъ не до пѣсенъ. За то у насъ есть «Рыданія Іереміи» — это народныя рыданія, народный плачь. Это наши «веснянки». — Но, Іегова! и у насъ были когда-то свои пѣсни, когда Ты давалъ намъ ежедневный поводъ славословить Тебя въ тимпанахъ и гусляхъ, когда дѣвы іерусалимскія, какъ и вотъ эти украинки, веселились на стогнахъ священнаго города и пѣли. А теперь только вѣтеръ стонетъ и плачетъ, перебирая струны гуслей нашихъ. Весь міръ для насъ — страна изгнанія; весь шаръ земной — наше кладбище, и только кладбище.. О, Адонай Господь! я не ропщу ни на свою долю, ни на участь моей семьи. Ты далъ намъ и довольство, и счастье—у меня все есть, благодаря труду моему и дѣтей моихъ. Но тамъ, кругомъ, по этимъ селамъ, — тамъ только бѣдность и презрѣніе отъ людей.—Такъ говорилъ самъ съ собою старый Исаакъ.

Онъ всталъ и отворилъ окно, выходившее въ палисадникъ. Полная луна глядѣла изъ-за деревьевъ, отбрасывая отъ нихъ черныя, точно ножомъ отрѣзанныя отъ бѣлыхъ стѣнъ, тѣни. Гдѣ-то близко, въ кустахъ, заливался соловей. Издали все еще доносилось иногда одинокое пѣніе.

Онъ уснулъ только къ утру. Субботній день прошелъ тихо и радостно въ семьѣ Когена! Но слѣдующая ночь — ночь на воскресенье принесла съ собой страшныя вѣсти.

Когену опять плохо спалось. Казалось, въ комнатѣ не доставало воздуха, и Когенъ растворилъ окно.

— Какой душный вечеръ! — полною грудью вздохнулъ Исаакъ. Съ улицы по обыкновенію доносилось пѣніе украинской молодежи.—И когда спитъ эта молодежь? — невольно думалось ему. — Кажется, всю ночь готова пѣть. А такъ, можетъ быть, и наша молодежь пѣла когда-то въ Іерусалимѣ, на высотахъ Сіона... А сдается, кто-то ѣдетъ.

Онъ высунулся въ окно и сталъ прислушиваться.

— Да, ѣдетъ. А кому бы такъ поздно?

Стукъ колесъ умолкъ у самыхъ воротъ дома Когена. Послышалось фырканье лошади.

— Что это.... будто бы наша лошадь? Неужели Ефраимъ

вернулся такъ скоро? Вонъ и въ щеколду кто-то звенить — никто какъ Еффраимъ.

Исаакъ торопливо накинулъ на себя халатъ и пошелъ къ калиткѣ.

— И Голіаѳъ не лаесть, значить, своего узналъ, — бормоталъ онъ, подходя къ калиткѣ.

Дѣйствительно, огромный песъ уткнулся мордой въ калитку и привѣтливо махалъ косматымъ хвостомъ.

— Это ты, Еффраимъ, сынъ мой?—спросилъ Исаакъ съ тревогой въ голосѣ.

— Я, батюшка,—былъ отвѣтъ.

— Что такъ не во-время?

— Послѣ расскажу, батюшка,—въ хатѣ.

Ворота, освобожденные отъ замка и засова, отворились. Еффраимъ въѣхалъ во дворъ. Огромный Голіаѳъ то бросался къ мордѣ лошади — цѣловаться съ пріятелемъ Гнѣдкомъ, то кидался на Еффраима.

— А гдѣ же нанять? гдѣ Хома?—снова спросилъ Исаакъ.

— Послѣ, батюшка, въ хатѣ,—былъ короткій отвѣтъ.

Скоро на дворъ вышелъ и Самсонъ, старшій сынъ Исаака и братъ Еффраима.

— Что такъ рано, братъ? А гдѣ нанять? — спросилъ богатырь.

— Послѣ, послѣ... здѣсь неловко, — все тотъ же отвѣтъ.

Братья общими усилями распрягли лошадь, вдвинули крытую бричку подъ навѣсъ, отвели лошадь въ стойло, заперли на замокъ ворота и вошли въ домъ.

— Ну, сынъ мой, рассказывай, что случилось, — торопливо зажигая свѣчу и безпокойно глядя въ глаза сыну, спрашивалъ Исаакъ.

— Садитесь, батюшка, и выслушайте, что я расскажу, — говорилъ пріѣхавшій, отирая платкомъ пыль съ своего смуглаго красиваго лица.

Это былъ молодой человѣкъ, съ курчавою, нѣсколько раздвоенною русою бородой и мягкимъ выраженіемъ кроткихъ, какъ у отца, глазъ.

— Уши мои вмѣстѣ съ сердцемъ ждуть, сынъ мой, что по-

вѣдають уста твои,—говорилъ Исаакъ, не отводя тревожныхъ взоровъ отъ сына. — Мои глаза читають въ твоихъ глазахъ.

— Все у тебя цѣло?—спросилъ Самсонъ.

— Все цѣло, благодареніе Предвѣчному.

— Ну, сынъ мой,—торопилъ старикъ.

— Сейчасъ, батюшка. — Вчера я благополучно собралъ всѣ долги, что оставались за разнымъ паньствомъ, и думалъ поѣхать въ Бѣлую-Церковь, какъ мнѣ сказали хлопы, что сегодня, на Юрья, въ Лебединскомъ монастырѣ престольный праздникъ — «великое свято» — какъ они сказали, и что туда наѣдетъ много купцовъ, и будетъ ярмарка. Я подумалъ, не навернется-ли какое выгодное дѣло на ярмаркѣ, и поѣхалъ туда, — а я былъ близко отъ Лебедина.

— Такъ, сынъ мой, выгоднаго дѣла никогда не надо упускать, — вставилъ свое слово Исаакъ. — Ну, и что жъ?

— Ну, я и поѣхалъ. Приѣзжаю, народу — ой-ой! — видимо-невидимо. Въ монастырѣ идетъ служба, колокола звонятъ, слышно церковное пѣніе. Хома и просится: «пусти, пане, въ церковь помолиться, сегодня, говоритъ, у насъ великое свято — святого Юрка». — Ну,—говорю,—сходи, да скорѣе вертайся. — Ушелъ Хома. И вижу, что около монастыря стоитъ много возовъ, увязанныхъ цыновками и кожами. Пойду—думаю—посмотрю, что за товаръ въ возахъ: може—думаю—дѣло навернется.

— Такъ, такъ — дѣло прежде всего, — не утерпѣлъ старый дѣлецъ.

— Подхожу къ возамъ. Спрашиваю хлоповъ-погонщиковъ: съ чѣмъ возы?—Съ крамомъ—говорятъ—съ добрымъ товаромъ изъ Запорожья. — А съ какимъ именно? — Съ доброю таранью, говорятъ. — А покажите, говорю. — Стали они развязывать возы, Господи Боже! я такъ и ахнулъ. Какая тамъ тарань! — все ножи, полны возы ножей!

— Ножей! какихъ ножей?—встрепенулись разомъ и Исаакъ, и старшій сынъ его.

— Ножей — желѣзныхъ, да все огромные такіе — такъ и блестятъ на солнцѣ. — Какая же — я говорю — это тарань? — Желѣзная тарань,—отвѣчаютъ хлопы, а сами—ай-вей! — какъ

скверно усмѣхаются.—Зачѣмъ вамъ—спрашиваю—эти ножи?—
А это — говорятъ — гостинецъ.

— О, Адонай Господь! — всплеснулъ руками Исаакъ.

— Что! что такое!—съ испугомъ спросила старая Лія, неслышно вошедшая въ комнату.

Всѣ обернулись на ея испуганный возгласъ. Еффраимъ почтительно поздоровался съ матерью.

— Страшныя вѣсти привезъ Еффраимъ, — пугливымъ шопотомъ проговорилъ старый Исаакъ: — о, какія страшныя! Затѣвается что-то въ родѣ Хмельницыны.

— О, Господи! — всплеснула руками Лія.

Мужчины угрюмо молчали. Исаакъ—весь блѣдный, а Самсонъ — багровый отъ злобы или иного чувства.

«Неужели воскресаютъ опять времена Хмельницкаго! — думалъ Исаакъ. — Когда жъ ты перестанешь разить насъ, мечъ божій! когда!»

— А много ихъ тамъ? — спросилъ вдругъ старикъ Когень.

— Кого, отецъ?

— Да этой сволочи — хлоповъ.

— Трудно сказать; но толпа большая.

— А пушки ты видѣлъ у нихъ? — спросилъ Самсонъ.

— Нѣтъ, пушекъ не было.

— Ну, такъ имъ не съ чѣмъ будетъ брать наши крѣпости и замки. Безъ пушекъ—это будетъ стадо барановъ. Наши казаки ихъ тотчасъ же разгромятъ. Эта сволочь, вѣроятно, тѣ же гайдамаки, что каждое лѣто ловятъ наши казаки. Вонъ и завтра будутъ казнить пятерыхъ.

— Будутъ казнить?

— Да. Вѣдь каждое лѣто казнятъ.

Между тѣмъ «улица» не унималась. Мимо дома Когена въ это время проходили «дивчата» и задорно пѣли о томъ, что имъ нечего «kozy бояться» — «богачамъ поступаться»; — что у тѣхъ богачокъ — по сорока сорочокъ, а у нихъ по одной, да и тѣ чистенькія и т. д.

— И когда только эти проклятые хлопы спятъ!—невольно вырвалось у Самсона.